

М.С. Тысячнюк

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ: АНАЛИЗ РЫНОЧНЫХ КАМПАНИЙ**

Статья посвящена анализу рыночной кампании во имя спасения старовозрастных лесов Карелии, которая была организована трансграничной сетью экологических организаций. Особое внимание уделено анализу последствий этой кампании и ее влиянию на взаимодействие акторов в конкретной географической локальности, в районе Калевальского Национального парка. Теоретической рамкой исследования была теория негосударственных механизмов управления природными ресурсами.

Ключевые слова: *Потребительский бойкот, рыночная компания, НПО, негосударственное управление природными ресурсами, лесная сертификация, устойчивое лесопользование.*

Keywords: *consumer boycott, the market company, NGO, non-governmental natural resources, wood certification, steady лесопользование*

Введение

В последние годы негосударственные формы управления привлекают большое внимание исследователей в области социальных наук. Если раньше социологи и политологи больше изучали государственное управление, на национальном уровне проявляющееся в форме реализации законодательства, а на глобальном уровне в форме межправительственных соглашений, то теперь, наряду с этим, они сконцентрировали свое внимание на сетях гражданского общества и транснациональных корпораций как новых акторах управления. Это объясняется тем, что в условиях сетевого информационного общества роль таких негосударственных акторов управления ощутимо возрастает, а формы их управления меняются (Conroy 2001: 2–3; O'Rourke 2003: 587; O'Rourke 2005: 117–119, Тысячнюк 2006).

* Работа была выполнена при поддержке Финской академии наук, грант № 208144 по проекту «Управление природными ресурсами Северо-Запада России» и частично при поддержке Московского общественного научного фонда.

Двумя основными формами негосударственного управления, использующими рыночные механизмы, являются, с одной стороны, рыночные кампании (именно из-за использования рыночных механизмов эти кампании называются рыночными), с другой — стандартизация и сертификация. Обе стратегии направлены на конструирование социально и экологически ответственных рынков через конвертирование компаний из «безответственных» в «ответственные» (Cashore 2002). При этом рыночные кампании действуют через давление на корпорации, мобилизуя покупателей на потребительские бойкоты или, в последнее время, просто создавая угрозу таких бойкотов (O'Rourke 2005). **Стандартизация и сертификация, напротив, действуют** через выявление и продвижение тех корпораций, которые проявляют социальную и экологическую ответственность. Наиболее строгой сертификационной системой, которую поддерживают экологические организации, является добровольная сертификация Лесного Попечительского Совета FSC (Forest Stewardship Council). В России в настоящее время действует именно эта сертификация, которую я и буду иметь в виду, говоря в дальнейшем о сертификации.

Предметом изучения в данной статье являются последствия рыночных кампаний, осуществляемых международными сетями негосударственных организаций (НГО). Для понимания специфики действия рыночных кампаний я считаю необходимым обсудить новые концепции пространства и времени, подход к которым в социологии глобализации сильно изменился за последнее десятилетие. Это произошло в связи с появлением новых коммуникационных технологии, таких как Интернет и других. Мануэль Кастельс, например, выделяет пространство потоков, созданное новыми коммуникациями и пространство места понимаемое им как конкретная локальность. При этом Кастельс считает, что пространство места испытывает на себе давление пространства потока и между ними существует конфликт, так как пространство потока действует на пространство места принудительно, и последнее часто теряет свою местную идентичность (Castels 1997: 72).

Новое понимание пространства предполагает также и новое понимание времени. Многие исследователи говорят о том, что сегодня время спрессовывается, используя при этом термины «безвременного времени» («timeless time», Castels 1997), «текучей современности» («liquid modernity») или «глобального времени» (Urry 2003). Астрономическое время в киберпространстве превращается в «режим реального времени» стирающий грани между днем и ночью, выходными и буднями. Также исследователи выделяют «вечное время» («glacial time», Urry 2000), имея в виду те последствия, которые наши сегодняшние решения и практики будут оказывать на жизнь последующих поколений планеты. Таким образом, мы живем одновременно в обычном часовом времени, в безвременном времени и в вечном, принимая решения с учетом того, что они отразятся на будущем.

Мое понимание пространства строится на том, что я выделяю пространство места и транснациональные пространства. Однако я считаю, что пространство места не всегда проигрывает от процессов глобализации, напро-

тив, может получить от них значительные преимущества, которых лишены локальности, в силу разных причин не затронутые глобализацией. Что касается транснационального пространства, я понимаю его шире, чем «пространство новых технологий». Последние являются «рельсами», по которым перемещаются потоки информации и идей.

Возвращаясь к рыночным кампаниям, можно сказать, что организация потребительских бойкотов в основном происходит в транснациональных пространствах и на них ориентирована. Поскольку рыночные кампании имеют своей целью либо конвертирование бизнеса в более ответственный, либо его разрушение и вытеснение из конкретной локальности, то тут может возникать та напряженность между транснациональным пространством и пространством локальности, о которой говорит Мануэль Кастельс. Разрушение бизнеса в конкретной локальности имеет следствием как экономические негативные последствия: потеря населением рабочих мест, уменьшение поступления налогов, разрушение инфраструктуры (в случаях с градообразующими предприятиями), так и изменение динамики взаимодействия заинтересованных сторон. Негосударственная форма управления, какой является рыночная кампания, организованная сетями НГО, меняет взаимоотношения между традиционными заинтересованными сторонами (стейкхолдерами): государством, бизнесом и местным сообществом. При этом динамика может различаться на федеральном, региональном и локальном уровнях. С точки зрения концепции времени можно отметить, что сама рыночная кампания происходит в «безвременном времени» и оказывает быстрый эффект на динамику стейкхолдеров транснационального пространства, а его последствия для пространства места измеряются в обычном часовом времени и могут тянуться годы.

Целью настоящей работы является анализ последствий рыночной кампании, инициированной экологическими организациями для спасения старовозрастных лесов Карелии. В статье конкретная рыночная кампания будет анализироваться через призму взаимоотношения процессов и практик в транснациональных и локальных пространствах, и особое внимание будет уделено механизмам взаимовлияния этих процессов и практик в этих двух типах пространств. В статье будут рассмотрены теоретические подходы к анализу, описан потребительский бойкот и его динамика, рассмотрены его последствия для пространства места на региональном и локальном уровне и его воздействие на взаимоотношения стейкхолдеров на этих уровнях.

Концептуальные подходы.

Хотя здесь речь идет о сетевых корпорациях, действующих в транснациональном пространстве, как правило, потребительский бойкот организуют тогда, когда одно из подразделений корпорации наносит вред окружающей среде или социуму конкретной локальности. При этом бойкот обычно направлен против головного офиса корпорации, находящегося вдали от точки отрицательного воздействия (см. рис. 1). Пространственный механизм ини-

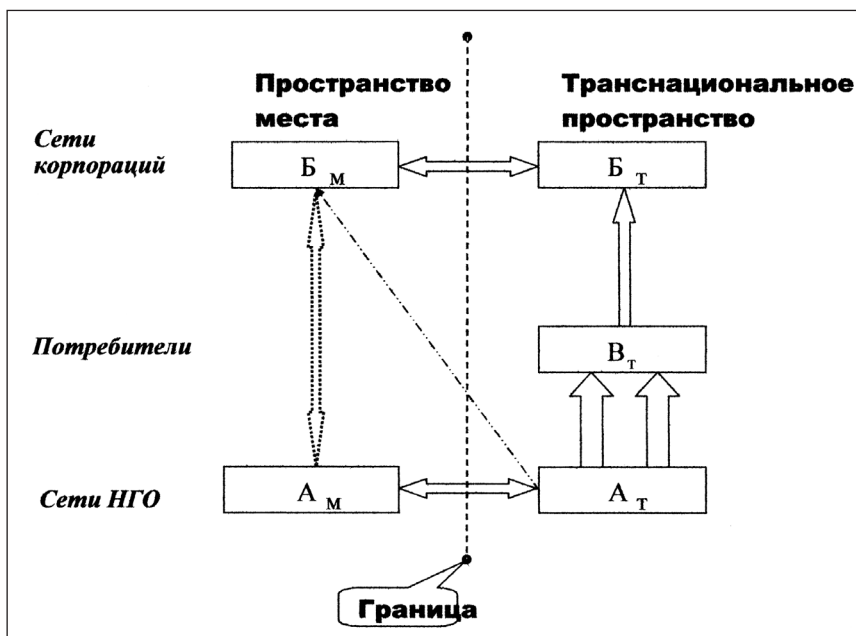

Рис. 1. Пространственная модель организации потребительского бойкота

циации бойкота представляется мне следующим образом: об отрицательных фактах деятельности компании в конкретной локальности сетевые НГО узнают либо от местных НГО (А_м), либо напрямую (Б_м), после чего они мобилизуют ресурсы потребителей (В_т) для бойкота в транснациональном пространстве (во всех странах, где функционирует данная корпорация) и направляют их против головного офиса корпорации (Б_т), создавая угрозу брендам корпорации и выдвигая радикальные требования к изменению ее практик на местах (Б_м). Одновременно могут проводиться протестные акции в самой локальности (Б_м), если в ней имеются элементы гражданского общества (А_м) для мобилизации. В ответ на данные действия головной офис, как правило, принимает решения об изменениях практик, либо о закрытии подразделения, и на этом сама потребительская кампания обычно заканчивается. Однако, это может явиться началом изменения динамики взаимодействия акторов как в транснациональном пространстве, так, и в особенности, в локальном. В транснациональном пространстве этот резонанс далеко выходит за пределы конкретной корпорации. Другие компании, во избежание новых бойкотов принимают превентивные меры, такие как изменение этических кодексов, разработка новой экологической политики, сертификация, вступление в ассоциации экологически и социально ответственных производителей, добровольное участие в экорейтингах. Также потребительские бойкоты влияют на инвесторов компаний — банки, которые разрабатывают политику социально ответственных инвестиций. В пространстве места, наряду с позитивными результатами часто возникают и отрицательные последствия,

связанные с перестройкой отношений между всеми стейкхолдерами. И если потребительские бойкоты являются хорошо разработанной стратегией сетей НГО, которая постоянно совершенствуется, планируется в деталях, то последствия в локальностях далеко не всегда можно прогнозировать в силу влияния на них контекста места.

Контекст транснационального пространства

Транснациональное пространство не является однородным. Глобальные стейкхолдеры, действующие в транснациональных пространствах, по тем или иным причинам имеют свои особые зоны интереса. К проблеме сохранения лесов в европейской части России особый интерес проявляет Европейский Союз, нередко осуществляя финансирования проектов для решения возникающих проблем.

В числе прочего, в 1999–2001 гг. Европейский Союз выделил крупные средства на проект развития особо охраняемых природных территорий (ОППТ) в приграничной полосе республики Карелия. Финансирование последующих более мелких проектов осуществляло впоследствии финское правительство и правительства некоторых других европейских стран (Громцев, Демидов 2005: 197).

В 1990-е гг. в транснациональном пространстве стало заметным воздействие проводящихся потребительских бойкотов на корпорации. Многочисленные потребительские бойкоты проводились по самым разным поводам и в отношении самых разных корпораций: против потогонных систем, против использования пестицидов при выращивании овощей, фруктов, кофе, против использования неэкологической упаковки и другие. В лесном секторе наибольший резонанс получили акции по спасению лесов Амазонки, которые организовывали Сеть защиты тропических лесов, Сеть спасения тайги, Лесная этика и Гринпис. Таким образом, к моменту возникновения конфликта с карельскими лесами уже существовали прецеденты подобных конфликтов и параллельно с данной рыночной кампанией происходили и другие рыночные кампании, что превращало Карельский инцидент не в единичную акцию, а в одну из многих, которые совместно пролагали путь для последующих изменений в лесных отношениях. Особенно сильное воздействие на корпорации произвели бойкоты банков-инвесторов, таких как Сити-груп, банка Нью-Йорк и других. Это изменило расстановку сил и заставило многие корпорации не просто считаться с требованиями глобального гражданского общества трансграничного пространства, но даже вступить в партнерские отношения с НГО. Так, например, в лесном секторе родились партнерства WWF-Икея, WWF-Home Depot*, WWF-Стора Энсо. Именно такие партнерства впоследствии помогли в конструировании ниш сенситивных рынков и в продвижении сертификационных систем. Таким образом, данные процессы в транснациональных пространствах меняли контекст локальности, дина-

* Интервью с сотрудником проекта WWF-ИКЕЯ, март 2003.

мику взаимоотношения стейкхолдеров и изменили последствия рыночной кампании для местных практик.

Национальный контекст

В масштабе Российской Федерации контекст места определяется, прежде всего, постоянными реформами, которые в России проходили одна за другой, начиная с начала девяностых годов и чрезвычайно активизировались после прихода к власти Президента В.В. Путина в 2000 году. За последние одиннадцать лет природоохранные структуры претерпели пять реорганизаций, и за это время не было создано ни одного заповедника. «Даже во время войны создавались заповедники, сейчас ситуация хуже чем во время войны — они не создаются вообще по всей России»*. Даже полученные от Европейского Союза 3 млн евро, напрямую предназначенные для создания четырех национальных парков в конечном итоге не привели к созданию даже одного из них.

В 1997 г. был принят новый Лесной кодекс, но уже через пять лет после его введения в действие началась работа по созданию нового Лесного кодекса, который планировалось ввести через год, в 2003 г., но только в 2005 г. он был принят в первом чтении, а вступил в действие только в январе 2007 г. Неопределенность с Лесным кодексом являлась ощутимым барьером для эффективной работы в лесной области. Таким же барьером было и постоянное реформирование природоохранных структур.

Контекст пространства места: российско-финское взаимодействие

Параллельно с развитием рыночной кампании по спасению Карельских лесов происходили события, которые определенным образом способствовали успешному ее течению и результатам. На территории Финляндии в те же годы проходила борьба за сохранение приграничных лесов, и этот конфликт развивался интенсивнее, чем в России. На финских приграничных с Россией территориях леса вырубались гораздо активнее по сравнению с Российской стороной, где долгое время рубки на приграничных территориях были запрещены. Финские и международные сети природоохранных НГО мобилизовывали местное население. В результате их совместных действий по защите лесов в Финляндии был создан финский Калевальский парк, состоящий из нескольких охраняемых заповедных территорий (Хярккенен 2005: 212–213). За годы такой борьбы повысился мобилизационный потенциал местного населения и в его представлении сформировалась новая ценность: старовозрастные леса. Это явилось одной из причин того, что финское население стало активно поддерживать борьбу за сохранение Карельских лесов.

Другим побудительным мотивом для участия финнов в борьбе за леса на российской стороне был культурный контекст данной проблемы. Леса, вокруг которых разгорался конфликт интересов различных заинтересован-

* Интервью с лидером природоохранной НГО СПОК, июнь, 2006.

ных сторон, находятся на самой границе с Финляндией и имеют для нее не только природную, но и большую культурологическую ценность. Исторически приграничные карельские территории рассматривались финнами как культурно родственные, и они были очень заинтересованы в сохранении не только лесов, но и старых карельских деревень как мест сохранения национальной культуры. Для финнов эти территории тесно связаны с народным карело-финским эпосом «Калевала» и рунопевцами, и в карельских деревнях до сих пор еще живут люди — носители этой традиции. Здесь были записаны многие руны, составляющие основу эпоса. Уничтожение лесов означало бы либо опустошение, либо этническое обезличивание этих деревень, таким образом, культурологические интересы финнов совпали с природоохранными интересами европейских и финских НГО по спасению старовозрастных лесов, и они объединили свои усилия. Было разработано большое количество туристических маршрутов в Карельские леса для людей, интересующихся карело-финскими культурными традициями. Среди прочего, существует идея создания «Голубой дороги», которая связывала бы Швецию, Финляндию и Карелию. Калевальский район является частью этой предполагаемой дороги, а будущий Калевальский национальный парк находится на пути между двумя пунктами, представляющими особый интерес для данного проекта: Вокнаволок и Калевала*. Между ними на территории национального парка находится и хутор, где проживают потомки рунопевцев, которые уже сейчас активно развивают этно-экологический туризм в этих местах, являясь «живыми представителями карельского быта».

Все это, со своей стороны, повышало мобилизационный потенциал финского населения и расширяло ряды возможных участников бойкота. Таким образом, проекты, не имеющие прямого отношения к спасению старовозрастных лесов, способствовали, каждый со своей стороны, более успешному развитию последствий рыночной кампании.

Несмотря на то, что приграничная российско-финская территория включает в себя две страны и формально является трансграничной, мы рассматриваем это пространство как локальное, так как локальные практики протекают тут в конкретном времени и в конкретном месте. Однако присутствие в данной локальности не только российских но и финских заинтересованных сторон приводит к более сильному воздействию на транснациональное пространство, а именно, на сенситивных покупателей, правительства стран Евросоюза, на их политику.

Временная динамика рыночной кампании по спасению карельских лесов.

Латентная стадия организации кампании.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в транснациональных пространствах в экологических кругах сложились дискурсы сохранения старовоз-

* Интервью с представителем тур фирмы, июнь, 2006.

растных лесов и была признана их ценность как источника биоразнообразия и «легких Планеты». В эти же годы, в условиях развала бывшего СССР и нового витка глобализации сложились сети экологических организаций, которые пришли также и на территорию России. Они применили дискурсы о старовозрастных лесах к Российским бореальным лесам, тем самым фактически введя это понятие в российский обиход. В те годы приграничные карельские леса попали в поле зрения экологических организаций, таких как Сеть спасения Тайги, Гринпис, которые взаимодействовали с Центром охраны дикой природы и Социально-экологическим союзом. В 1990-е гг. вопрос о создании ООПТ обсуждался особенно активно. Уже начиная с 1992 г. речь зашла о создании Калевальского парка. В 1995 г. на базе Костомукшского заповедника экологические организации провели международное совещание по сохранению старовозрастных лесов, на котором присутствовали представители более десяти стран, включая Канаду, Швецию, Финляндию. Во время этого совещания под эгидой Гринпис был создан Лесной клуб, куда вошел Социально-экологический союз, Центр охраны дикой природы, дружины по охране природы. Карельская экологическая организация СПОК тогда только зарождалась, и представляла собой студентов, помогающих Гринпис. Ассоциация «зеленых» Карелии не вошла в Лесной клуб, но поддерживала проект и участвовала в ранней стадии переговоров об охраняемых территориях с Министром окружающей среды Финляндии*. Организации Лесного клуба начали проводить мониторинг старовозрастных лесов в Европейской части России, главным образом в Карелии в связи с ее приграничным расположением и начавшимся варварским истреблением ее лесных пространств. В те годы в Карелию пришло большое количество финских и шведских лесозаготовительных фирм, которые вели свою деятельность вполне легально, но при этом фактически пользовались несовершенным российским законодательством в отношении охраны окружающей среды. Организации Лесного клуба начали работу по выработке критериев определения старовозрастных лесов и составлению карт малонарушенных лесов. Они также проводили мониторинг рубок лесов и его вывоза за границу**.

В 1997 г. в рамках российско-финского проекта по сохранению биоразнообразия и развитию устойчивого лесопользования на Северо-Западе России были выделены первые деньги на создание ООПТ. Обоснование создания Калевальского парка было поручено Костомукшскому заповеднику. В этом проекте также участвовал Карельский научный Центр. В их задачу входили полевые исследования, определение границ парка, согласование их с администрацией и на выходе должен был быть составлен Отчет в комитет природных ресурсов Карелии, который в свою очередь должен был выносить окончательное решение совместно с Российскими федеральными органами

* Интервью с директором заповедника, июнь 2006.

** Интервью с представителем Гринпис, май 2003.

в Москве и Финляндией. В связи с трудностями согласования границ реализации проекта растянулась на год*.

Развитие событий

Параллельно с попытками решить проблему путем переговоров экологические организации предпринимали и более радикальные действия.

К 1995 году сетевая структура Гринпис развернула активную кампанию по информированию британских и германских корпораций о неэкологичных действиях их поставщиков из Швеции и Финляндии. Опасаясь возможного вреда своему имиджу, Финская компания **Tehdaspojo** одной из первых разорвала договора с поставщиками, производившими рубки в «зеленом поясе» Карелии**. К тому времени российские экологические организации в сотрудничестве с международными сетевыми НГО стали распространять составленные ими карты старовозрастных лесов по всем лесным компаниям и их основным прямым и косвенным потребителям (ЦБК, издательские дома, строительные фирмы и т. д.), а также передали их в правительства Карелии, Финляндии и Швеции. Начиная с 1995 года начались акции прямого действия в Карелии в районе Костамукши, а также протесты у ЦБК финской компании Энсо (нынешняя Стора Энсо)*** на территории Финляндии. Этот момент можно определить как пик конфликта (Yanitsky 2000). События разворачивались на фоне того, что система охраны лесов распадалась, лесхозы находились в тяжелом материальном состоянии, «реальной власти не было у власти, а хозяйничали лесопромышленные компании»****.

Акции прямого действия и потребительская кампания в Европе вынудили Энсо объявить мораторий на рубки на спорных территориях в Карелии. В 1997 году ряд компаний присоединились к мораторию, включая крупную финскую фирму UPM-Kymmene (Lehtinen 2006: 185–187). К тому времени Гринпис заключил договор с Костомукшским Лесхозом о моратории на сдачу в аренду 114 тысяч гектар территорий предполагаемого Калевальского парка (Vorobiov 1999: 232).

Последствия конфликта

С наложением моратория на вырубку лесов на обозначенных территориях начался нескончаемый поток переговоров по данной проблеме на самых разных уровнях: местном, республиканском и федеральном. Экологические организации во главе с Гринпис пытались включить Карельские леса в список объектов Всемирного Наследия ЮНЕСКО. Предполагалось, что Россия, Финляндия и Норвегия совместно создадут «зеленый пояс» Финноскандия, который включил бы 20 лесных массивов расположенных на 1000 км приграничной территории. Однако, эта инициатива не увенчалась успехом*****.

* Интервью с представителем Карельского научного центра, май 2003.

** Интервью с представителем лесного клуба, май 2003.

*** Интервью с работником заповедника, июнь 2006.

**** Интервью с директором заповедника, июнь 2006.

***** Интервью с представителем карельского научного центра, июнь 2006.

В то же время в 2000–2001 гг. Европейский Союз выделил грантовые средства на создание четырех особо охраняемых территорий, в числе которых был Калевальский парк. По проекту планировалось создание четырех национальных парков, в связи с чем появилось постановление Правительства РФ. Однако в ходе действия проекта появилось другое постановление, в котором осталось решение о создании только одного парка. В ходе проекта ТАСИС было разработано обоснование создания национального парка на территории 95 тысяч гектар (Громцев и Демидов, 2005: 190–191). К моменту окончания проекта в 2001 году сам парк еще не был создан, но, так как по проекту было приобретено большое количество оборудования и прочего имущества для парка, было организовано муниципальное учреждение Калевальский парк, с тем, чтобы к моменту создания реального парка можно было бы передать имущество администрации федерального Калевальского парка*.

Независимо от проекта ТАСИС в 2002–2003 гг. в этом же направлении действовал совместный российско-голландский проект программы Матра, посвященный созданию сетей региональных НГО в области рационального многоцелевого лесопользования и особо охраняемых природных территорий и вовлечению гражданского общества в решение природоохранных вопросов**. В рамках проекта проводились опросы населения и было собрано около 1500 подписей за создание парка, а также разработаны Предложения к проекту его развития.

Параллельно на различных уровнях власти шел процесс согласования создания парка, который тормозился из-за противоречия интересов госструктур государственного и республиканского уровня, а также из-за продолжающегося процесса реформирования лесного сектора. В 2000–2001 годах было достигнуто согласование на местном уровне (на уровне муниципалитетов). Однако, на уровне республики возникли препятствия и в конечном итоге, 6 августа 2002 правительство республики согласилось с организацией национального парка на территории в 74,4 тысяч га***, после чего документы пошли на согласование в Москву. В Москве документы начали свой путь из инстанции в инстанцию, задерживаясь на столах то одного то другого должностного лица, в том числе, по причине частой смены как самих ответственных институтов, так и людей и их функциональных обязанностей. Интересно отметить, что за государственную экологическую экспертизу проекта в конечном итоге заплатил Гринпис, что очень несвойственно для радикальной экологической организации, какой является Гринпис. Такая позиция объясняется, видимо, тем, что для Гринпис вопрос сохранения старовозрастных лесов является приоритетным, и они не могли допустить, чтобы государственные проволочки тормозили решение этого важного вопроса и препятствовали успешному завершению рыночной кампании. На федераль-

* Интервью с бывшим директором муниципального учреждения, июнь 2006.

** Интервью с директором костамукшского заповедника, июнь 2006 г.

*** Распоряжение Правительства Республики Карелия от 6 августа 2002 г. №190р-П.

ном уровне положительное решение о создании Калевальского национального парка было принято в ноябре 2006 году.

Карты малонарушенных лесов созданные в свое время экологическими организациями превратились в руководство к действию (а точнее, к промышленному бездействию) лесопромышленников-арендаторов близлежащих к парку территорий. Например, Сегежский ЦБК отказался от аренды территорий, прилегающих к предполагаемому национальному парку. Компания Светвуд, являющаяся дочерней компанией фирмы Икея, взяв эти леса в аренду, незамедлительно подписала договор с экологическими НГО СПОК, Гринпис и WWF об отказе от рубок на данных территориях. Таким образом, по мнению экологических НГО, была восстановлена историческая справедливость, нарушенная решением республиканского правительства о сокращении территории заповедника*. Данный случай можно рассматривать как классический пример негосударственного управления природными ресурсами в действии. Одновременно с практикой достижения партнерских соглашений с бизнесом, экологические НГО пытаются действовать и в сотрудничестве с органами местной власти. По их инициативе Совет калевальского муниципального района в феврале 2006 года обратился к республиканскому правительству с просьбой о создании заказника Войница для сохранения малонарушенных лесных массивов находящихся на границе с Калевальским национальным парком**.

Последствия кампании по спасению лесов карельского приграничья

Кампания по спасению Карельских лесов имела очень большой резонанс как среди транснациональных стейкхолдеров, так и национальных, и оказала на них сильное воздействие. Это воздействие сказывалось на реструктурировании сетей транснациональных пространств. Например, в сфере сетей международной торговли изменилось отношение к поставщикам из стран с переходной экономикой. Теперь фирмы вынуждены были более тщательно проверять своих поставщиков, требуя от них прохождения сертификации лесного менеджмента и цепочки поставок. Например, такая крупная фирма как Стора Энсо, подвергавшаяся атакам в рамках бойкота, впоследствии совместно с WWF стала строить Псковский модельный лес***. Руководители фирмы признали что для успешной работы в России недостаточно просто соблюдать российские законы, так как существует несоответствие между транснациональными дискурсами, рассматривающими старовозрастные леса как планетарную ценность, и российскими законам, считающими такие леса перезрелыми и подлежащими вырубке. Опыт Стора Энсо показал, что несколько человек (всего пять человек из Лесного клуба организовали потребительский бойкот), используя интернет-технологии, могут принести

* Интервью с лидером СПОК, июнь 2006.

** Интервью с представителем муниципалитета Калевальского района, июнь 2006.

*** Интервью с директором СТФ-Струг, ноябрь 2006.

значительный экономический урон фирме, организовав потребительский бойкот. Вскоре не только корпорация Стора Энсо, но и другие фирмы стали учитывать мнение экологических организаций и вступать с ними в диалог.

За последние пятнадцать лет мы наблюдаем значительное изменение формы взаимодействия бизнеса и сетей экологических организаций. В 1990-е гг. такое взаимодействие чаще всего проходило в форме конфронтации и потребительских бойкотов. В то время лишь единичные фирмы проходили процесс сертификации. Впоследствии бойкотов становилось все меньше, и все большее количество фирм добровольно проходили сертификацию во избежание конфликтных ситуаций. В 2004–2006 гг. в России процесс сертификации пошел очень активно, и в 2006 году страна вышла на второе место по количеству сертифицированных лесных площадей в мире. В процессе сертификации развивается активное сотрудничество бизнес структур с экологическими НГО, которые привлекаются бизнесом в качестве экспертов для определения объектов, подлежащих охране на арендованных площадях леса.

Взаимоотношения стейкхолдеров.

Экологические организации, входящие в Лесной клуб, проводившие акции прямого действия как часть рыночной кампании, не являлись местными стейкхолдерами. Их роль была стратегической: являясь акторами извне они «наездами» организовывали краткосрочные протестные акции, которые неким образом формировали дальнейшие события. В основном вся деятельность была организована Гринпис. «Наручниками себя приковывали к технике, приезжали в белых балахонах и к лесовозу цеплялись, блокировали перевозки экспортные, на дорогах акции устраивали... они отслеживали чтобы ни одна доска из старовозрастных лесов ушла на экспорт»*. Действия экологических организаций были очень хорошо организованы и оперативны: «Милиция против них не выступала, просто у них повода не было... Они фрахтовали автобус в Москве, сажали туда журналистов, привозили на место, приковывали себя цепями к трактору, вывешивали плакаты, журналисты все это фотографировали, и все быстро уезжали. И только через сутки, когда по центральному телевидению проходила информация, все узнавали, что они приезжали, только потом начинался скандал, начинались разборки»**. По следам очередного разгоревшегося скандала они приезжали уже в другом формате и профессионально вели переговоры с местными стейкхолдерами: «Они очень гибко себя вели. Их вызывали на конфликт и какую-то агрессию с их стороны, чисто психологически. Но они очень мудрые оказались. Очень тактично и корректно себя вели»***.

* Интервью с депутатом городского совета, зам. Директора промышленного предприятия, июнь 2006 г.

** Интервью с представителем госструктуры, июнь 2006 г.

*** Интервью с представителем администрации, июнь 2006 г.

На местном уровне ключевыми стейкхолдерами были: костомукшский заповедник, научное сообщество, лесопромышленники и органы местного самоуправления, местная администрация, лесхоз и местное население.

Дирекция и сотрудники Костомукшского заповедника с самого начала поддерживали охрану старовозрастных лесов и идею создания новых охраняемых территорий, и Калевальского парка в том числе. Будучи государственной организацией, заповедник не мог и не хотел принимать участие в акциях прямого действия, но оказывал активную поддержку его организаторам. Так, например, в 1995 году заповедник предоставил базу для проведения упоминавшегося выше Международного Совещания экологических организаций, где был создан Лесной клуб, впоследствии основной организатор рыночной кампании. Заповедник также оказывал содействие при проведении исследований для подготовки предложения о создании Калевальского парка и помогал проводить процесс согласования первого проекта с различными местными инстанциями. Однако, впоследствии при новом этапе финансирования, заповедник не привлекли к проекту. Несмотря на свое неучастие в акциях прямого действия, заповедник во время бойкота рассматривался местными правительственными структурами как «оплот общественных организаций», что снижало легитимность мнения его экспертов. В настоящее время, когда противоречия на местном уровне сгладились, одного из сотрудников заповедника прочат в директора создаваемого национального парка.

Карельский научный центр (Карельское отделение РАН), участвуя в проводимых исследованиях наряду с экологическими организациями и Костомукшским заповедником, являлись наиболее признанным легитимным актором на уровне республики Карелия. Хотя в один из пиковых моментов бойкота у Карельского научного центра были некоторые разногласия с экологическими организациями по причине крайней радикальной позиции последних, они быстро уладились и ученые сыграли свою позитивную роль в выработке компромиссного решения, которое примирило две крайние позиции: с одной стороны, экологических организаций, которые хотели «все сохранить», с другой, лесопромышленного комплекса, который хотел «все вырубить». Научное сообщество стремилось «совместить экономические интересы с экологическими потребностями»*. В настоящее время ученые тесно сотрудничают с республиканскими экологическими организациями. В частности, после того, как у Карельского научного центра закончилось финансирование по линии межправительственных соглашений, они стали работать в качестве экспертов, привлеченных общественной организацией СПОК. При этом ученые играют роль связующего звена между экологическими организациями и государственными структурами, так как их экспертное мнение является авторитетным для правительственных кругов (в отличие от мнения общественных организаций, которых легче обвинить в некомпетентности).

* Интервью с представителем Карельского научного центра, июнь 2006 г.

Их посредническая роль была особенно важна в ходе длительной «войны на уровне бумаг» между экологическими организациями и республиканским правительством, которая последовала за бойкотом.

Местная администрация относилась к проблеме сдержанно, избегала участия в конфликтах и публично не оказывала поддержки акциям протеста. Однако, в последующих переговорах о создании парка администрация принимала активное участие и была сторонницей идеи создания парка, выражая должное уважение международным НГО. Такой же политики придерживалась мэрия и депутатский корпус. После окончания проекта ТАСИС местные органы самоуправления способствовали созданию муниципального учреждения «Калевальский парк», который занимался поддержанием оборудования, приобретенного по проекту для будущего национального парка и даже в течение нескольких лет финансировали ставку директора этого муниципального учреждения, вплоть до момента его закрытия. Кроме того, местная администрация пыталась помочь проекту, ходатайствуя о передаче парку бывших пограничных застав со всей их инфраструктурой: электричеством, столовой, душами, офицерским домом, жилыми помещениями, которые можно было бы использовать в качестве гостиницы и экологического центра. Однако, поскольку самого парка пока нет, осуществить передачу не представляется возможным*.

Местное население с самого начала поддерживало Калевальский парк. «Гаишники, пограничники, учителя, все говорили, давайте, остановите это безобразие, которое происходит на территории Карелии. Вот эти незаконные рубки, большие объемы леса, идущие за границу!»*. В Костомукше не было недостатка в рабочих местах благодаря действующему в городе горнодобывающему комбинату, поэтому лесные бригады не ассоциировались в сознании местного населения с возможностью заработка, и они относились к окружающим местным лесам как к месту отдыха, сбора грибов и ягод. Более того, как раз сбор ягод является для местного населения возможностью дополнительного заработка, так как их можно выгодно продать на финской стороне. Заинтересованность местного населения в создании национального парка многие местные депутаты и мэр города использовали в своих предвыборных кампаниях. Благодаря громким акциям Гринписа все местное население знало о проблеме создания Калевальского национального парка, расположенного в стороне от города, тогда как о существовании собственного Костомукшского заповедника многие даже не догадывались.

Отношение Костомукшского лесхоза к проблеме было двойственным. С одной стороны, представителей лесхоза нервировало положение, когда вопрос с созданием парка никак не решался, а мораторий на рубки постоянно продлевался. При этом все обязательства по тушению пожаров и охране площадей оставались на лесхозе, лишившемся рентных платежей. Положе-

* Интервью с представителем мэрии г. Костомукша, июнь 2006 г.

** Интервью с представителем общественности дер. Вокнаволок, июнь 2006 г.

ние усугублялось еще и тем, что лесопромышленники, получившие в аренду леса прилегавшие к предполагаемой территории будущего национального парка, отказывались рубить лес на этих территориях. Они напрямую заключали договора с экологическими организациями о моратории на рубки, помня о том, что первоначально предложенная территория национального парка была сокращена и не желая нанести вреда старовозрастным лесам, оставшимся на прилегающих территориях (будь то из боязни потребительских бойкотов или в связи с требованиями сертификации). Для лесхоза это являлось дополнительной проблемой, так как по правилам расчетная лесосека на сданных в аренду площадях должна была быть вырублена. Их отношение к зеленому движению было скептическим: «зеленые тут были из Америки и из Швеции, два автобуса, с грудными детьми приехали, с баулами. Приезжие стояли, не могли дождаться, когда же зеленые закончат говорить, чтобы пикник начать. Им заплатили, наверное, хорошо»*. «они приковались у нас на делянке наручниками. 113 квартал, который законно был взят в аренду и который сейчас уже вырублен, там будет открытый карьер для добычи железной руды. Они в 113 Костомукшского лесничества приковались, а надо было в 113 Вокнаволоцкого»**. Также лесничий отмечал, что зеленые прибавляли таблички будущего Калевальского парка прямо на деревья***.

Лесопромышленники начала 90-х годов были яркими противниками создания особо охраняемых территорий в приграничных районах Карелии. Данные территории в советское время считались пограничной полосой и даже доступ на них был ограничен, не говоря уже о невозможности вести там какую-либо промышленную деятельность. С началом перестройки эти территории стали «лакомым куском» как для отечественных так и для финских и шведских лесопромышленников, вследствие чего началось активное уничтожение приграничных лесов. Богатая ресурсами территория будущего Калевальского национального парка представляла при этом особенный интерес из-за наличия хорошего доступа к лесу. В 2005–2006 гг. дискурс лесопромышленников поменялся коренным образом. Изменился и состав лесопромышленников, так как из «старых», действовавших в 1990-е гг., здесь остался работать только костомукшский леспромхоз. На смену старым пришли крупные международные компании, такие как дочерняя компания фирмы Икея «Светвуд», которая заключила договор с экологическими организациями (карельской организацией СПОК, WWF и Гринпис) о сохранении старовозрастных лесов, прилегающих к границам Калевальского парка. Сегежский ЦБК тщательно проверяет поставщиков в зоне риска и заключил договор с организацией СПОК о сотрудничестве в области выделения ключевых биотопов, сохранения биоразнообразия и выделения лесов высокой природоохранной ценности. Они также взяли в штат волонтера из организации СПОК.

* Интервью с директором лесхоза, июнь 2006.

** Интервью с директором лесхоза, июнь 2006.

*** Интервью с лесничим, июнь 2006г.

Заключение

Возвращаясь к концептуальной модели, представленной мной в начале статьи, следует отметить, что описанная кампания по спасению лесов, в целом, соответствует этой модели. Особенно это касается процессов, происшедших в транснациональных пространствах. Когда информация о вырубках приграничных карельских лесов, распространяемая Лесным клубом и Сетью спасению тайги достигла транснациональных пространств, все процессы пошли по обычному сценарию: против крупных фирм (Стора Энсо, и др.) были организованы потребительские бойкоты, вызвавшие их экономические потери, что побудило их отказаться от закупки древесины, производящейся в зонах конфликта. Что же касается процессов, проходящих в пространстве места, на них значительное влияние оказал процесс трансформации российского лесного сектора, включающий реорганизацию государственных структур и лесных предприятий.

Так, из-за институциональной нестабильности государственных структур, нескончаемого потока реформ процесс создания парка продолжается без видимых результатов с начала 1990-х гг. по 2006. Невозможность решить данную проблему имело много отрицательных экономических последствий: в течении периода моратория на рубки не было возможности использовать эту территорию как туристическую площадку из-за отсутствия федерального юридического лица, и, как следствие, невозможно развивать инфраструктуру.

Даже те потоки финансовых средств, которые направлялись в Россию из транснациональных пространств (ЕС и Финляндии) в пространстве места смогли быть использованы только учеными для проведения исследований и составления необходимых обоснований и оказались бессильными против проволочек на федеральном уровне согласований. Эти финансовые потоки, с одной стороны, смягчали трения между транснациональным пространством и пространством места, и смягчали конфликтные взаимоотношения в пространстве места, но из-за неэффективности федеральных структур получилось, что большие средства, выделенные на инфраструктуру парка, фактически «ушли в песок».

В то же время реорганизацию претерпевали не только государственные структуры, но и промышленные предприятия лесного сектора. В начале 1990-х гг. в пространстве места работали мелкие предприятия, которые поставляли древесину крупным компаниям. В последующие годы в России сформировались холдинги, вобравшие в себя те организации, которые не успели разориться в ходе процесса укрупнения капитала. Российские холдинги и иностранные фирмы стали в 2000-е гг. основными арендаторами лесных площадей. При этом возросла ответственность этих предприятий. Крупная фирма с известным имиджем не может позволить себе быть безответственной, так как любая безответственность может стать угрозой ее имени и нанести немалый экономический ущерб. Благодаря этому процессу удалось успешно продлевать мораторий на территорию будущего парка и даже неформально расширить его зону практически до первоначальных

размеров. Формирование холдингов также способствовала более успешному диалогу с экологическими организациями и формированию новых межсекторальных партнерств.

Также особенностью пространства места в данном случае является то, что Калевальский парк фактически находится на территориях двух государств. В результате здесь вмещивается трансграничный контекст карельско-финской идентичности. Заинтересованность финской стороны в сохранении карело-финской культуры привела к тому, что финны являлись и являются одним из основных стейкхолдеров пространства места. С другой стороны, они стали одним из самых активных связующих звеньев с транснациональными пространствами, привлекая к решению вопроса акторов Европейского Союза.

Еще более сильным связующим звеном с транснациональными пространствами выступили экологические организации. Лесной клуб, с одной стороны, выполнял роль стратегического организатора кампании в пространстве места, «интервента», который «высаживался десантом» во время своих краткосрочных протестных акций, тем самым придавая двигательный импульс кампании и выводя ее на очередной виток развития. С другой стороны, главной целью экологических организаций, участников протестных акций было не только и не столько решить на местном уровне какую-то конкретную задачу, сколько стратегически простимулировать и направить ситуацию в необходимое русло, воздействуя на общественное мнение в транснациональных пространствах через средства массовой информации. Локальная проблема часто служила для них поводом для организации акции.

Я хотела бы отметить еще одну любопытную особенность данного кейса. Обычно существует негласное «разделение труда» среди экологических организаций и они действуют в тандеме, в котором более радикальная организация устраивает потребительские бойкоты, а на смену ей приходит менее радикальная организация, которая выстраивает партнерские отношения с «конвертированным» бизнесом. В данном же случае те же организации, которые участвовали в организации бойкота, впоследствии стали сотрудничать с бизнесом, вставшим на путь экологической и социальной ответственности.

Исследователи отмечают, что в системах негосударственного управления природными ресурсами, к которым относится и лесная сертификация, НГО выступают в роли создателей неформальных законов, которые рождаются в транснациональном пространстве, чтобы затем спуститься и быть реализованными в пространствах места по всему миру. Для тех предприятий лесного сектора, которые хотят отнести себя к разряду экологически и социально ответственных таким законом стала добровольная лесная сертификация Лесного Попечительского Совета. А одним из уникальных механизмов реализации этого «закона», созданным в России Лесным клубом, стали карты малонарушенных лесов страны, распространившиеся в транснациональных пространствах. Карты эти теперь висят в офисах крупных лесных компаний, которые с их помощью определяют зоны риска, проверяют поставщиков и удостоверяются, что древесина из малонарушенных лесов не попадает на

рынок. Таким образом осуществляется «обратная связь» пространства места с транснациональным пространством.

Литература

Громцев А.Н., Демидов С.С. Национальный парк «Калевальский»: неоконченная история организации // Калевальские парки — жизнь на границе и первозданная природа / Ред. Тервонен, Хяркконен. Кайнуун Саномат: Каяни, 2005. С. 188–200.

Тысячнюк М.С. НГО между глобализацией и локализацией: Роль глобальных процессов в мобилизации общественного участия в лесных поселках // Журнал социологии и социальной антропологии. Специальный выпуск «Негосударственные механизмы управления в глобальном обществе. 2006. Т. IX. С. 113–148.

Хяркконен К. Первые шаги парка «Калевальский» // Калевальские парки — жизнь на границе и первозданная природа / Под ред. Тервонен, Хяркконен. Кайнуун Саномат: Каяни, 2005. С. 202–213.

Cashore B. Legitimacy and privatization of environmental governance: how non-state market-driven governance (NSMD) systems gain role-making authority. *Governance: an International Journal of Policy, Administration, and Institutions*. 2002. Vol. 15. N. 4. October. P. 503–529.

Castels M. *The Information Age, The Power of Identity*. Oxford: Blackwell, 1997.

Conroy M. Can advocacy-led certification systems transform global corporate practices? Evidence and some theory. Political Economy Research Institute, University of Massachusetts, Working Paper Series. 2001. N. 21. P. 1–25.

Lehtinen A. A. *Postcolonialism, multitude, and the politics of nature*. University of Press of America, New York, 2006.

O'Rourke D., Connolly S. Just Oil? The Distribution of Environmental and Social Impacts of Oil Production and Consumption. *Annual Review of Environmental Resources*. 2003. Vol. 28. P. 587–617.

O'Rourke D. Market Movements. Nongovernmental Organization Strategies to Influence Global Production and Consumption // *Journal of Industrial Ecology*. 2005. Vol. 9. N. 1–2. P. 115–128.

Urry J. *Sociology Beyond Societies*. London: Routledge, 2000.

Urry J. *Global Complexity*. Oxford: Blackwell, 2003.

Vorobiov D. **Transboundary movement towards saving of the Karelian forests**. In *Environmental Activism in Russia and the United States* (Ed. Tysiachniouk and McCarthy), Published by Institute of Chemistry of St. Petersburg State University, St. Petersburg. 1999. P. 229–242.

Yanitsky Oleg N. *Russian greens in a Risk Society*. Helsinki: Kikumora Publications, 2000.